

Философская покорность судьбѣ и болѣзненное малодушіе.

(Изъ жизни медиковъ на войнѣ).

Дерой философской покорности судьбѣ, врачъ запаса—еврей изъ перекрещенцевъ; небольшого роста, худенькій, съ припухшими красными глазами, всклокоченными и по недѣлямъ нечесанными волосами, и, почти постоянно, съ крошками хлѣба въ своей рыже-русой бородѣ, вытянутой клиномъ.

Судьба съ малыхъ лѣтъ не улыбалась теперешнему военному врачу. Съ трудомъ окончилъ гимназію, съ большимъ трудомъ поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ. Всѣ университетскіе годы прошли въ постоянной заботѣ о кускѣ хлѣба, который пришлось зарабатывать ему самому. Молодые годы шли въ постоянной борьбѣ между жаждой знанія и насыщеніемъ голоднаго желудка.

Окончилъ курсъ. Казалось, что судьба сжалилась надъ нимъ и послала ему свою награду, сравнительно безбѣдную жизнь земскаго врача. И онъ былъ счастливъ. Какъ хороша жизнь, думалъ онъ. Теперь онъ могъ отдаться своему врачебному дѣлу. Служилъ. Работалъ усердно. И былъ сытъ.

Къ счастью или несчастью, онъ встрѣтилъ красивую дѣвушку, но бѣдную и имѣвшую многихъ родственниковъ. Онъ влюбился

въ нее и пожелалъ жениться. Но и тутъ препятствіе. Дѣвушка была православная, а онъ еврей. Сила привязанности взяла свое; онъ перешелъ въ христіанство и женился. Много вытерпѣлъ онъ отъ своихъ родителей и родныхъ. Измѣна вѣрѣ отцовъ повергла въ большую печаль и горе его отца и мать.

Но прошло время, многое загладилось и многое забылось. Семейная жизнь съ ея заботами, интересами, радостями и разочарованіями захватила его цѣликомъ.

Появилась семья: онъ весь погрузился въ семейныя заботы и превратился въ машину, вырабатывающую насущный хлѣбъ своимъ близкимъ. Кромѣ своей семьи онъ долженъ былъ помочь и своимъ бѣднымъ родителямъ. Долженъ былъ удѣлить и роднымъ своей жены, также бѣднымъ и постоянно нуждавшимся.

Медицинскій трудъ тяжелъ и, кромѣ того, крайне неблагоприятенъ. Жизнь средняго врача мало обезпечена, а жизнь врача семейнаго и къ тому же питающаго бѣдныхъ родственниковъ крайне тяжела; въ общемъ—это жизнь впроголодь. И подобную жизнь пришлось нести. Постоянная забота о хлѣбѣ насущномъ приводила его къ тому, что ему не приходилось отказываться отъ платы за врачебный трудъ даже у бѣдныхъ. И малая плата была ему необходима.

Пришлось ему слышать много упрековъ по адресу еврейской жадности, но и не могъ онъ поступать иначе, скорбя душою за бѣдноту и недостатки своей семьи и многочисленныхъ родственниковъ.

И вотъ, какъ снѣгъ на голову, Русско-японская война. Будучи врачомъ запаса, онъ взятъ былъ на войну и опредѣленъ въ полкъ, находящійся въ постоянномъ соприкосновеніи съ японцами.

Съ какими чувствами прощался онъ со своей семьей, что переживалъ, будучи на войну, и что волновало его въ боевой жизни въ качествѣ полковаго врача—неизвѣстно.

Извѣстно только, что по пріѣздѣ въ полкъ онъ удивилъ своей покорностью судьбѣ, полнымъ безразличіемъ ко всякаго рода случайностямъ жизни. Какъ будто жизнь и смерть были для него равноцѣнны.

Въ тотъ же полкъ, гдѣ находился означенный врачъ, поступилъ другой врачъ еврей. Этотъ другой врачъ былъ тоже изъ запаса, но человекъ впечатлительный и крайне нервный; онъ былъ истерикъ съ типичными истерическими припадками. Для характеристики его нервной впечатлительности привожу фактъ.

По экстренному вызову во время Ляоянскаго боя ѣдутъ врачи изъ Харбина въ Ляоянь. Во время пути стало извѣстно, что русскія войска отступили и потому поѣздъ съ врачами, какъ и всѣ другіе поѣзда, былъ задержанъ въ пути (въ полѣ) на пять сутокъ.

Запасы провіанта, взятые въ дорогу на два дня, вышли. Всѣ пассажиры кормились кое-какъ, а многіе голодали.

Въ день общаго голоданія прибѣгаетъ въ купе упоминаемый нервный врачъ и падаетъ на полъ въ истерическомъ припадкѣ. Послѣ припадка рѣзкій упадокъ силъ: руки холодны, весь онъ дрожалъ.

На разспросы «что съ нимъ?», рассказалъ слѣдующее: «Я... я воръ, я совершилъ кражу...». Что такое!... Да вотъ: въ ихъ купе (у сосѣдей врачей) нѣтъ ѣды. А онъ увидѣлъ, что у одного врача-еврея есть въ корзинѣ кусокъ сыра. Онъ попросилъ подѣлиться, тотъ отказалъ. И вотъ, когда этотъ врачъ вышелъ изъ вагона, онъ укралъ у него кусокъ сыра и роздалъ тѣмъ врачамъ, которые въ этотъ день не ѣли.

Разсказывая объ этомъ, онъ весь дрожалъ, плакалъ, какъ ребенокъ, и просилъ не презирать и не считать его худымъ человѣкомъ.

Врачъ этотъ былъ посланъ медицинскимъ начальствомъ изъ тыла арміи въ полевое управленіе, для направленія въ одинъ изъ передовыхъ полковъ.

По пріѣздѣ изъ Россіи въ тылъ арміи, онъ усиленно просилъ начальство оставить его въ тылу, позволить работать гдѣ-либо при постоянномъ госпиталѣ и не посылать на позиціи, подвергая его походной жизни, перенести которую, по состоянію здоровья, онъ будто бы не можетъ.

Начальство отнеслось подозрительно къ его заявленію. «Чѣмъ боленъ?» спрашивали его. «Я нервный», говорилъ онъ. «Нервный... знаемъ, что значитъ нервный... трусь... лодырь... ѣхать на войну не хочеть». И чѣмъ больше онъ просилъ, тѣмъ рѣшительнѣе медицинское начальство настояло на отправленіи его ближе къ бою.

«Знаемъ, мы хорошо знаемъ, что значать «нервы»... мы сами нервны... безъ разговоровъ! Это врачи-лодыри, нужно ихъ проучить, не давая потачки. Посмотримъ, какъ быстро вылѣчится...»

Приказано. Поѣхалъ. Пріѣхалъ въ Тѣлингъ, гдѣ и находилось полевое управленіе послѣ Ляоянскаго боя. Тамъ назначили его въ полкъ. Пріѣхалъ въ полкъ. Полкъ въ это время стоялъ послѣ Ляоянскаго сраженія на отдыхѣ и никуда не двигался.

Какъ только пріѣхалъ въ полкъ, нашъ врачъ-истерикъ затосковалъ. Тяжелыя ожиданія мучили его. Чуть не каждый день истерическіе припадки и, какъ на зло, изъ дому никакихъ вѣстей. Тоска по родинѣ и по своей семьѣ буквально съѣдала его. Онъ сразу худѣлъ и зачахъ.

Черезъ двѣ недѣли пребыванія въ полку появилась изъ горла кровь и онъ окончательно слегъ въ постель. Кровь изъ горла пре-

кратилась, но вслѣдствіе болѣзненной впечатлительности онъ лежалъ въ постели и ждалъ часа смерти. Онъ ждалъ, что скоро умретъ отъ скоротечной чахотки... Онъ былъ увѣренъ, что больше своихъ родныхъ не увидитъ и умретъ здѣсь, въ Манчжуріи... Лежалъ онъ и горько плакалъ. Онъ клялъ свою судьбу. Клялъ медицинскія власти, пренебрежительно относящіяся къ заявленію о болѣзни; негодовалъ на лицъ, не бывавшихъ въ бою, но авторитетно рѣшающихъ вопросы храбрости и трусости въ тылу арміи. Вставала передъ его глазами сухая и оправдывающая ихъ незнаніе фраза: «ты врачъ, ты долженъ все знать (всѣ специальности) и долженъ всюду идти».

Проносилась въ головѣ поговорка, выведенная изъ наблюденій и выражающая жестокость и недружелюбіе врача къ врачу: *medicus medico lupus est*—врачъ для врача волкъ. И мало этого; какъ на зло, лѣвъ въ голову каламбуръ комика: *medicus medico lupissimus est*, выражая мысль и подчеркивая, что врачъ для врача—самый кровожадный, бѣшеный волкъ.

Лежалъ онъ въ своей постели, высказывалъ все это; ждалъ скорой смерти и горько плакалъ, считая себѣ послѣднія минуты.

Приходить къ нему первый врачъ и утѣшаетъ его. «Другъ, чего ты плачешь? Чего тебѣ жалко?» «Какъ чего? Я здѣсь умираю, а моя жена... дѣти»... «Поэтому? Вотъ пустыки, какая же ты баба... Тебѣ сколько лѣтъ?» «36». «Хорошо. Ты женатъ?» «Женатъ». «Есть дѣти?» «Есть». «Ты доволенъ прожитой жизнью такъ, какъ бы ты хотѣлъ?» «Я живу хорошо». «Нѣтъ, не то; жилъ ли ты такъ, какъ мечталъ объ этомъ въ молодости?» «Нѣтъ, но я все же живу сносно»... «Нѣтъ, другъ, не то; я вижу, да и по себѣ знаю, наша жизнь не удовлетворяетъ нашихъ запросовъ. А разъ не удовлетворяетъ ихъ, зачѣмъ желать жить и бояться смерти! Ну, тебѣ 36 лѣтъ. Еще проживешь 30 лѣтъ. Вѣдь не больше? Ну, вотъ... и представь себѣ, что ты ихъ прожилъ. Вѣдь придется же тебѣ умирать тогда? Ты не можешь пенять на судьбу, что, проживши 36 лѣтъ, прожилъ мало. Конечно, нѣтъ. Такъ, вотъ: сколько ни живи, сытъ жизнью не будешь. Отсюда, чѣмъ скорѣе смерть, скорѣе исполнишь законъ природы. Тебѣ 36 лѣтъ, ты пожилъ. Женатъ, дѣти... Значитъ все хорошо. Пришла тебѣ смерть и умирай, чего беспокоиться! Я право не понимаю, товарищъ, чего ты плачешь?»»

Ш—ъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

